

Реванш меньшинств как супермегатренд мирового развития

Константин ФЕОФАНОВ

Понятие «мегатренды» уже на протяжении почти четырёх десятилетий позволяет концептуально формулировать ключевые трансформации мирового развития [1]. Конечно, описанные Дж. Нейсбиттом мегатренды не охватывают всех глобальных трансформаций современного мира. Часть из них (особенно китайские, такие как «освобождение разума», «высаживание деревьев» и «свобода и справедливость») сформулированы абстрактно-метафорически, другая часть – либо продолжают и ещё не завершились, либо, наоборот, в полной мере ещё не сформировались и не проявились*. И кроме

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код:* 5086-2934, *E-mail:* konstantin.feofanov@gmail.com

Ключевые слова: реванш меньшинств, мегатренды, супермегатренды, Запад, Россия, ловушка толерантности, инверсия гендерной власти, «обратный расизм».

¹ *Naisbitt J.* Megatrends: ten new directions transforming our lives. N.Y.: Warner Books, Inc., 1982; *Naisbitt J., Aburdene P.* Megatrends 2000: ten new directions for the 1990's. N.Y.: William Morrow, 1990; *Naisbitt J., Naisbitt D.* China's megatrends: the 8 pillars of a new society. N.Y.: Harper Collins Books, 2010.

* Несколько новых действующих мегатрендов мирового развития и их реализация в отдельных странах и регионах были рассмотрены в известном труде российских учёных (Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т. А. Шаклеина, А. А. Байков, Э. Я. Баталов, Н. А. Симония [и др.] / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013).

того, от десятилетия к десятилетию мир продолжает существенно изменяться, переводя латентное накопление изменений в новые явные глобальные процессы.

Осознание значимости новых мегатрендов, их научное «открытие» также затрудняются специфической уникальностью социально-политических процессов в различных странах, за «деревьями» которой легко не увидеть «лес» глобальных социетальных процессов.

В частности, многие глобальные процессы были рассмотрены Нейсбиттом с позиции Соединённых Штатов Америки как точки отсчёта.

Представляется, что при всей глобальной масштабности, обоснованности и достоверности выделенных Нейсбиттом мегатрендов, превращение индустриального общества в информационное, национальных экономик – в мировую, централизации – в децентрализацию, а иерархий – в сети всё же не меняет облик человечества настолько, насколько это делают изменения ещё более масштабные, глубокие и радикальные, о которых пойдёт речь в данной статье. Если первые можно было бы назвать исторической (эпохальной, кардинальной) сменой политической, экономической, информационной и других парадигм капиталистического и колониального развития, то вторые – полным и всесторонним переломом (сломом) ключевых фундаментальных основ человеческой цивилизации. И для их концептуального обозначения, в отличие от мегатрендов, необходим другой термин – например, *супермегатренды* (или *сверхмегатренды*), позволяющий обратить внимание на принципиальные различия в масштабности описываемых процессов.

Среди супермегатрендов, связанных с меньшинствами, – *инверсия гендерной власти*, *мультипликация гендерных идентификаций* и «*обратный расизм*». Их политическими бенефициарами являются женщины, представители сексуальных меньшинств и небелое («чёрное», «цветное») население. Зарождение вышеуказанных супермегатрендов изначально стало возможно в странах Запада, поскольку для любого, даже минимального вызова традициям была необходима питательная демократическая среда в виде возможности выражать «инновационные», антиистеблишментные идеи. Толерантность западных демократий со временем способствовала возникновению *ловушки толерантности*, когда традиционные ценности и нормы были заменены их противоположностью. Зародившись на Западе, данные супермегатренды впоследствии показали свою надцивилизационную значимость и способность к распространению в незападных обществах с учётом цивилизационных особенностей стран и регионов.

Инверсия гендерной власти

Собственно женщины не являются меньшинством с точки зрения доли женского населения в совре-

менных обществах. Наоборот, вследствие более высокой продолжительности жизни женщин численно

больше, чем мужчин. Однако на протяжении многотысячелетней истории человечества женское население имело дискриминируемое – подчинённое и угнетённое положение, так как основными производителями материальных благ были мужчины. Изменения в ценностях и нормах межгендерных отношений произошли в Европе с зарождением капитализма, который нивелировал тысячелетние гендерные роли, превратив мужчин и женщин в субъектов и объектов производства и потребления, впервые в человеческой истории уравнивая их в правах и обязанностях перед законом и многих – до 60-х годов ещё не всех – нормах общественной морали. Женская эмансипация, уравнивание мужчин и женщин в правах – одна из самых масштабных трансформаций в человеческой истории [2].

В 60–70-е годы происходит сексуальная революция, связанная с низвержением консервативных ценностей и нравственно-религиозных норм межгендерных отношений, изменившая цивилизационные основы общественного развития в странах первого мира, породившая исторически беспрецедентную либерализацию нравов. Ключевые цивилизационные компоненты, такие как: господствующие ценности и нормы, культура, институты и традиции обществ, были отброшены и заменены на противоположные. То, что на протяжении почти двух тысяч лет считалось грехом, порицалось и нака-

зывалось, теперь становилось поощряемой обществом добродетелью. И наоборот, всё, что считалось добродетелью, стало осуждаться как посягательство на либеральные устои западных обществ [3]. Фундамент христианских ценностей был подвергнут не просто значимым парадигматическим изменениям, как, например, в результате зарождения протестантизма в XVI в., а инверсии – полному переворачиванию смыслов, замене плюса на минус и минуса на плюс. Сексуальная революция способствовала расширению диапазона женских прав и их уравниванию с правами мужчин, укреплению женской гендерной власти, усилению влияния феминизма с последующим применением на основе господствующих общественных ценностей «презумпции виновности» и «обратной дискриминации» мужчин, принятого на вооружение всем обществом, феминистского отношения к мужчине как к потенциальному агрессору и насильнику, росту толерантности к нетрадиционным проявлениям сексуальности в западных обществах.

Достигнутого равенства прав оказалось недостаточно. Ведь за тысячелетнее угнетение женщин в прошлом мужчины должны были обязательно «ответить безвластием» (утратой власти) в настоящем. Самых широких гендерных прав, обретённых прежними «жертвами дискриминации», и любых покаянных действий бывших эксплуататоров

² Феофанов К. А. Российская гендерная власть в исторических условиях любви-страсти // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4.

³ Феофанов К. А. Цивилизационная теория модернизации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2019.

также и в будущем всегда будет оказываться крайне недостаточно для того, чтобы мужчинам искупить свою историческую вину.

В юридической практике США, несколько позже в других странах, в 70-е годы возникают прецеденты уголовного преследования мужчин за «досаждающее поведение», «домогательства», «харассмент»^{*} – поведение, причиняющее неудобство и нарушающее неприкосновенность частной жизни. При всей важности общественного и уголовного преследования домогательств, и тем более сексуального насилия, в современном американском правоприменении стали всё чаще возникать прецеденты бездоказательного осуждения, противоречащие ключевым основам правового государства, которое, в свою очередь, уже несколько столетий является фундаментом и одним из главных достижений и преимуществ западного капиталистического общества. Правовое государство исторически возникло для защиты субъектов предпринимательской деятельности, главных акторов формировавшихся капиталистических отношений – от произвола политической власти. Именно правовое государство, в сущности, создало современную рыночную экономику и капиталистическое общество, обеспечило возможность прорывного экономического, модернизационного и демократического развития, породило современный западный мир как цивилизационный феномен.

Прецеденты бездоказательного осуждения «по понятиям» и на осно-

ве заинтересованных воспоминаний «жертв» многодесятилетней давности, заинтересованно тиражируемых средствами массовой информации, не подкреплённых прямыми доказательствами и уликами, отбрасывают современное западное общество на несколько столетий назад, в доправовую эпоху, разрушают основы самого Запада.

«Эффект Вайнштейна» – массовое корыстное или основанное на чувстве мести и гендерного превосходства тиражирование обвинений в домогательствах и сексуальном насилии в адрес известных деятелей культуры, искусства, бизнеса и СМИ, начиная с 2017 г. породил масштабную «обратную дискриминацию» в США, Великобритании, Канаде и других западных странах, сведение счётов между компаниями и их руководителями, практику остракизма, свержение и низвержение, фактически уничтожение лидеров де-факто, рейдерские захваты и отъёмы бизнес-империй и состояний. Заинтересованно и искусственно разыгрывается, в соответствии с законами и возможностями PR-жанра имитируется «поддержка со стороны широкой общественности», сотни тысяч возмущённых граждан пишут гневные письма и судебные иски, современные сетевые, «вирусные» технологии позволяют в кратчайшие сроки добиваться эффекта снежного кома (астротурфинг, интернет-троллинг, кампании #metoo, #янебоюсьсказать и др.).

Результатом хорошо спланированных феминистских кампаний

^{*} Harassment (англ.) – домогательство, беспокойство, раздражение.

становится агрессивное подавление, ограбление, увольнение и лишение свободы сотен тысяч ни в чём не повинных мужчин, многократное увеличение женской гендерной власти не только в западных, но и всех других, даже восточных, например, индийском обществах, массовое лишение мужчин элементарных прав и свобод, делегитимация и маргинализация, поражение мужчин в правах в большинстве стран мира, выведение мужчины за рамки политической и экономической значимости и активности.

В исторических условиях авторитаризма и «железного занавеса» Россия не была включена в западноевропейские процессы, однако существует весьма обоснованная точка зрения, что сексуальная революция в Советской России случилась значительно раньше, чем в США и Европе, т. е. чем где бы то ни было в мире и в истории человечества, а именно после Октябрьской революции 1917 г. Конечно, в 30-е годы в результате установления сталинского тоталитарного режима произошла стремительная де-либерализация любых человеческих прав и свобод, и даже само право на жизнь в СССР того времени стало неочевидным. История женской гендерной власти в России уникальна и отличается от западных процессов. В противоположность западным феминистским общественным организациям, ещё в начале 60-х годов добивавшимся буквального равенства, в СССР беспрецедентные потери мужского населения в Первой и Второй мировых войнах, длительное отсутствие мужчин в мирной жизни уже в 40-е годы привели к вытеснению муж-

чин из семьи и воспитания детей, участия в формировании повседневных норм, ценностей и традиций, т. е. семейному (повседневному, бытовому) матриархату и матриархальной полуразрушенной квазисемье без мужчины как преобладающему типу семьи.

Данные исторические особенности межгендерных отношений в СССР – России привели к обособлению нашей страны от мирового феминизма, отставанию и запаздыванию юридической составляющей в наказании мужчин за «приставание», «чрезмерное разглядывание» и другие проявления харассмента. Наоборот, в соответствии с распространёнными ценностями и нормами многие российские женщины были бы смертельно обижены на мужчину, который «проявил неуважение» и «прошёл мимо», не сказав комплиментов по поводу внешности или привлекательности. Российское общество без борьбы победившего феминизма матриархально на семейно-бытовом и повседневноповеденческом уровнях пронизано женскими ценностями, выгодными женщинам и сформированными женщинами в специфических исторических условиях длительного отсутствия мужчин. И без феминистских сексуальных и сетевых революций оно давно преодолело рубежи гендерного равенства, делая предписываемым образцом межгендерных отношений признание исключительности гендерного статуса женщины, полное всевластие женщины в семье и воспитании детей, преклонение перед женщиной и возможность управлять мужчиной как её особое гендерное право.

Десятки миллионов российских женщин с детства усваивают в качестве ключевых норм, что всегда виноват мужчина, что он всегда должен и всегда недостаточно проявляет заботы, внимания и усилий (безотносительно к тому, что он сделал на самом деле).

Характерным для России является на пять лет более ранний возраст выхода женщин на пенсию, по сравнению с мужчинами, несмотря на несопоставимо меньшие показатели продолжительности жизни мужчин; о подобных гендерных «достижениях» даже на эйфорической волне «эффекта Вайнштейна» пока ещё никак не могут мечтать западные феминистки. Начиная получать пенсию раньше, сравнительно молодые и здоровые женщины после ухода на пенсию могут ещё в продолжение почти двух десятилетий до средне-статистического ухода из жизни наслаждаться общением с детьми и внуками и иждивением за счёт «безвременно ушедших» «прежних возлюбленных», тогда как пожилые мужчины, будучи принуждаемы к труду обществом и государством, вынуждены в предынфарктном и предынсультном состоянии (основные причины мужской смертности) как до, так и после среднестатистической смерти работать на благосостояние женщин, детей, государства и чиновников.

Типичным для России являются превосходящие точечные факты физического насилия по отношению к женщинам, психологическое насилие женщин по отношению к мужчинам – когда на протяжении десятков лет супружеской жизни, не имея возможности что-то изменить или кому-то пожаловаться, мужчина испытывает на себе ежеминутное

уничтожающее «пиление», словесные унижения и издевательства. Последствия домашнего психологического насилия увеличивают показатели смертности и алкоголизации мужского населения, и как представляется, в масштабах страны многократно превышают число жертв домашнего физического насилия.

Женщина в среднем многократно превосходит мужчину по большинству значимых психологических параметров (кроме физической силы и отдельных аспектов реагирования на критическую ситуацию). Считаться слабой и незащищённой «жертвой» многократно более выгодно, чем осознавать реальную ситуацию с перекосами в распределении гендерной власти в обществе. Данные факты на постоянной основе замалчиваются в обществе, привычно делая вид, что «обратной дискриминации» не существует. От гендерного коллапса, от полного исчезновения минимальной необходимости в мужчинах российское общество спасают только на треть более высокая средняя зарплата мужчин, чем средняя зарплата женщин, и пока ещё большая представленность мужчин на высоких управленческих должностях.

Характерное для незападных обществ традиционное недоверие к праву как регулятору общественных отношений может временно замедлять реализацию данного супермега-тренда, но не может помешать его дальнейшей неизбежной реализации даже в западных странах.

Так, феминистские организации очень сильны в Индии, где домашнее физическое насилие мужчин по отношению к женщинам, особенно в бед-

нейших социальных слоях, пока ещё действительно имеет колоссальное распространение.

Стамбульская конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 г. – международное соглашение о защите прав человека, устанавливающее уголовную ответственность за насилие в отношении женщин – пока не была ратифицирована Россией, и из неё, вследствие предполагаемого возможного давления на мужчин, вышла первоначально ратифицировавшая её Турция.

Это вовсе не означает, что в западных странах отсутствуют факты бездоказательного применения уголовных статей о домашнем и сексуальном насилии по отношению

к невиновным мужчинам на основе клеветнических заявлений с целью оказания давления, мести за «неоправданные ожидания», гендерного превосходства (снобизма), имущественной или иной выгоды (например, лишения возможности общения отца с ребёнком).

На основе распространённых ценностей во многих незападных странах во всё большей степени также реализуется «презумпция виновности» мужчины – тенденция, имеющая высокие шансы на дальнейшую утрату мужчинами всех прав, власти и свобод, но пока ещё временно не достигшая американских масштабов поставленного на сетевой поток агрессивного правового феминистского антимаскулинного предела.

Мультипликация гендерных идентификаций

Множественные гендерные идентификации стали возможны в западном обществе в результате сексуальной революции 60-х годов. До этого времени в продолжение тысяч лет признавалось всего два гендера или, лучше сказать, пола – мужской и женский. В 70-е годы происходит активизация движений за права геев и лесбиянок, но речь ещё не идёт о трансгендерах.

Данный супермегатренд, как и предыдущий, формировался постепенно, приводя к концу XX в. к увеличению общественно-политической значимости ЛГБТ-сообщества (сообщества лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров) и его борьбе

за права представителей гендерных меньшинств. Наиболее экзотическими вариантами гендерных идентификаций являются смешанные, неустойчивые и многовариантные типы, в частности, гендер, зависящий от настроения (*Affectugender*), гендер, зависящий от знака зодиака (*Zodiacgender*) или меняющийся при депрессии (*Cavusgender*) [4]. Сегодня в западных обществах официально насчитываются десятки и даже сотни гендерных идентификаций, связанных с нюансами социального самовосприятия человека.

«Дореволюционная» (до сексуальной революции 60-х годов) история нестандартных сексуальных ориен-

⁴ Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты межгендерных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2.

таций, как правило, всегда отражала степень либеральности политического режима. В зависимости от этого параметра уголовное преследование гомосексуальности то отменялось, то снова вводилось.

Так, уголовный кодекс византийского императора Юстиниана середины VI в. предполагал наказания в виде смертной казни или кастрации.

При Петре I за «содомский грех» в Воинском уставе предписывались жёсткие телесные наказания, а в случае применения насилия – смертная казнь или пожизненная каторга.

Великая французская революция конца XVIII в. отменила любые наказания, так как под знаменем свободы, равенства и братства были значимы любые права человека. В начале XIX в. уголовное преследование за гомосексуализм было полностью исключено из наполеоновских законов.

В 1917 г. Февральская революция в России также отменила уголовную ответственность за гомосексуализм, но в 1934 г. ужесточение политического режима в СССР снова привело к введению уголовной статьи за проявление подобных нестандартных «прав человека».

Добровольные отношения с лицами одного пола перестали быть преступлением в России только в 1993 г., что, конечно, не распространялось на ответственность за насильственные действия сексуального характера. С 2013 г. в России действует федеральный закон против пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

Удивительно, как тема уголовного преследования за гомосексуализм во все времена выступала критерием степени демократичности политических режимов.

Целью ЛГБТ-движений в борьбе за права гендерных меньшинств, как и в случае предыдущего супермегатренда, является провозглашаемое соблюдение прав человека, равенство гражданских прав и свобод,

толерантность и уничтожение дискриминации. Отдельным акцентированным аспектом деятельности ЛГБТ-движений является их интеграция, внедрение и социальная адаптация. В XXI в. гей-сообщества стремятся «на равных» участвовать в:

- службе в вооружённых силах;
- праве трудоустройства по любой профессии;
- упоминании нетрадиционных гендеров в законах и других официальных документах;
- достижении полной социальной адаптации представителей гендерных меньшинств – легализации однополых браков и права на усыновление детей однополыми парами.

Деятельность по защите прав гендерных меньшинств в XXI в. привела к достижению устойчивых результатов во всех вышеуказанных сферах. Тысячелетние цивилизационные ценности и нормы христианской цивилизации были преобразованы в противоположность, и, как и в случае либерализации свободной любви и других достижений сексуальной революции, то, что раньше воспринималось как грех, стало считаться добродетелью, а прежние добродетели стали считаться грехом.

«Кто я такой, чтобы судить гомосексуалистов?» и «Никого нельзя подвергать дискриминации из-за сексуальной ориентации» – фразы, произнесённые в 2013 г. папой римским Франциском, инициировали дискуссию о гомосексуальности в католической церкви и сделали широко распространёнными призывы представителей ЛГБТ-сообщества к выражению представителями «гендерного большинства», включая,

в частности, папу римского, «сожаления», «раскаяния», «чувства вины», «стремления компенсировать» и «извинений» по поводу страданий, причинённых «натуральным большинством» гомосексуальным и другим меньшинствам. «Должны», «виноваты» и «недодали» – как стремление к реваншу гендерных меньшинств выражено в современном западном обществе значительно слабее, чем выражают свои требования феминистские организации.

Однако в союзе ЛГБТ-сообществ и международных феминистских движений заключён и на данный момент ещё не вполне реализован

потенциал нового, разворачивающегося на наших глазах супермега-тренда, переворачивающего с ног на голову прежние цивилизационные представления и тенденции. Объединившись с мировым феминизмом для борьбы с «гендерным истеблишментом» – мужчинами и «натуралами», ЛГБТ-сообщества, на основе использования современных сетевых, вирусных, астротурфинговых и других пиар-технологий, могут в ближайшем будущем достичь исторически беспрецедентных, обеспечивающих полную всемирную инверсию основ христианской цивилизации результатов.

«Обратный расизм»

Это отдельный супермега-тренд, связанный с широким распространением разновидности расизма, в основе которой, как и в исторически предшествовавшем, «чёрном» или «цветном» расизме, – идеология неравноценности человеческих рас, направленная на представителей «белого» большинства как объект негативного отношения, дискриминации, ущемления прав и возможностей в пользу «чёрных», «цветных» и других расовых и национальных меньшинств.

«Обратный («белый») расизм» проявился в идеологии и повседневной практике «обратной дискриминации» в США, Южно-Африканской Республике и, в разной степени, во многих других странах Тропической Африки и Запада, в которых преимущественные права, привилегии и квоты предоставляются «чёрному» или «цветному» населению, что позволяет их представителям незаслу-

женно достигать более высоких должностных и имущественных результатов. Предвзятое отношение к «белым» создаёт для них невыносимые условия, способствует несправедливому увольнению, возбуждению административных и уголовных дел, другим формам расовой и национальной дискриминации.

Ликвидация режима апартеида в ЮАР в середине 90-х годов привела к победе ранее угнетённого «чёрного» меньшинства, с удовольствием приступившего к «обратной дискриминации» как ущемлению прав «белых» граждан. Дискриминация в отношении «белого» населения сегодня имеет законные, юридически сформулированные основания в рамках правительственной программы ЮАР *Black Economic Empowerment Act of 2003*, направленной на интеграцию в общество прежних «чёрных» меньшинств и устранение недавнего расового неравенства.

Вовлечение в деятельность предприятий «чёрного» населения, определяемого в рамках данной программы как *black people* (термин, включающий как чернокожих африканцев, так и «цветных» граждан и индейцев, а после 2008 г. и китайцев, выигравших соответствующие судебные иски), даёт возможность компаниям рассчитывать на получение государственных контрактов, в случае соблюдения квот на «чёрный» персонал.

В 2017 г. в Конституцию ЮАР были внесены поправки об экспроприации в пользу государства земель «белых» фермеров без выплаты им какой-либо компенсации. В обоснование внесённых поправок было указано, что «во времена апартеида земли “чёрных” отбирались “белыми” бесплатно», что, по видимому, расценивается как полное моральное право прежнего расового меньшинства наконец-то осуществить «чёрный» реванш.

Ранее аналогичная «земельная реформа» была осуществлена в Зимбабве, вызвав сильный экономический кризис.

На бытовом уровне «обратная дискриминация» выражается в страхе «белых» лишиться раз выходить на улицу, невозможности свободно перемещаться по стране, произволе полицейских по отношению к «белым», преимуществе чернокожих при приёме на учёбу и работу, назначении на вышестоящие должности и даже гибели нескольких тысяч «белых» граждан от рук представителей нового расового большинства (составляющего порядка 80% всего населения, тогда

как стремительно сокращающаяся доля «белых» в 10 раз меньше).

В США широкое распространение «обратный расизм» получил в ходе массовых протестов, связанных с гибелью во время задержания полицейскими Эрика Гарнера в Нью-Йорке (2014 г.) и Джорджа Флойда в Миннеаполисе (2020 г.).

С 2014 г. в США, Великобритании, Франции и многих других западных странах возросла популярность общественного движения *Black Lives Matter – BLM* («Жизни чёрных важны»), провозглашающего борьбу против расизма и насилия в отношении чернокожего населения, но фактически способствующего разжиганию расовой нетерпимости, переписыванию истории и агрессивной конфронтации по отношению к «белому» населению. Массовые акции добровольно-принудительного коленипреклонения и целования ног чернокожим в рамках протестов против полицейского произвола и расизма наглядно продемонстрировали не только выражение солидарности и примирения, но и просьбу о прощении, подчинение и выражение чувства раскаяния «белых» перед своими «жертвами» и вины за прежние столетия расовой дискриминации.

Существует значительная вероятность, что южноафриканские социально-политические процессы «чёрного реванша» со временем могут начать реализовываться в США. Также вполне вероятно, что участвовать в массовых акциях коленипреклонения и ступнецелования перед прежними меньшинствами скоро придётся не только «белым», но и мужчинам и представителям «натурального большинства».

В отличие от мегатрендов, вносящих парадигматические изменения в содержание политических, экономических и иных процессов, супермегатренды «потрясают основы» – затрагивают цивилизационные фундаменты обществ. «Ловушка толерантности», обусловленная прогрессирующе-либеральным развитием Запада второй половины XX в., начала постепенно захлопываться после распада СССР, воспринятого как «окончательная победа» в холодной войне и «конец истории» [5].

Если раньше общества могли сохранять относительное равновесие посредством борьбы противоположных тенденций, то «окончательная победа либерализма» закрепила в поведении граждан западных стран добровольно-принудительную обязательность безальтернативной поддержки либеральных реформ во всех сферах жизни, ведь «прав человека» не может быть много, так как это – «основа нашего общества». В противном случае граждане рисковали подвергнуться остракизму и санкциям.

Сегодня у сотен миллионов граждан прежде правовых и демократических стран «передового Запада» перестал срабатывать нравственный цивилизационный код-индикатор, когда-то сформировавшийся в недрах христианства и призванный автоматически действовать как сообщение об ошибке всякий раз, когда представители одной социальной группы (гендера, расы, страты или класса) необоснованно и бездоказательно дискриминировались по признаку принадлежности к группе, когда представители прежних меньшинств были намерены «взять реванш» за личный неудовлетворительный опыт или негативный опыт прежних поколений.

Навязчивое стремление к дележу власти и самовозвеличиванию за счёт другого между прежними и новыми бенефициарами общественного развития продолжает доминировать в человеческой цивилизации. Беспрецедентный рост технологических возможностей в условиях устранения религий как регулятора общественных отношений не может не привести к усилению этой борьбы и диапазона используемых средств для уничтожения противника.

Пока ещё не будучи в полной мере вовлечены в либеральные игры с толерантностью, незападные страны сохраняют некоторую всё более сокращающуюся альтернативность и вариативность развития. Они по-прежнему сталкиваются с проблемами отсутствия терпимости к иным ценностям и мировоззрениям, образу жизни и обычаям, чем с их чрезмерным насаждением, и потому ещё не столкнулись с «ловушками» и парадоксами толерантности. Цивилизационное своеобразие и даже политическое недоразвитие прав и свобод в незападных странах неожиданно оборачивается слабой надеждой на более сдержанное и взвешенное, чем в западном мире, альтернативное развитие супермегатренда реванша меньшинств.

---

⁵ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Macmillan, Inc., 1992.

Библиография • References

- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, Э.Я. Баталов, Н.А. Симония [и др.] / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013.– 448 с.
- [Megatrendy. Osnovnye traektorii evolyucii mirovogo porjadka v НКНI veke / Т. А. SHakleina, А. А. Bajkov, Е. YA. Batalov, N. А. Simoniya [i dr.] / pod red. Т. А. SHakleinoj, А. А. Bajkova. М.: Aspekt Press, 2013.– 448 s.]
- Феофанов К.А. Российская гендерная власть в исторических условиях любви-страсти // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 13–30.
- [Feofanov K. A. Rossijskaya gendernaya vlast' v istoricheskikh usloviyah lyubvi-strasti // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2013. № 4. S. 13–30]
- Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2019.– 218 с.
- [Feofanov K. A. Civilizacionnaya teoriya modernizacii: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. М.: Dashkov i K°, 2019.– 218 s.]
- Феофанов К.А. Цивилизационные детерминанты межгендерных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 51–67.
- [Feofanov K. A. Civilizacionnye determinanty mezhgendernyh otnoshenij // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2011. № 2. S. 51–67]
- Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Macmillan, Inc., 1992.– 418 p.
- Naisbitt J. Megatrends: ten new directions transforming our lives. N.Y.: Warner Books, Inc., 1982.– 333 p.
- Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000: ten new directions for the 1990's. N. Y.: William Morrow, 1990.– 384 p.
- Naisbitt J., Naisbitt D. China's megatrends: the 8 pillars of a new society. N.Y.: Harper Collins Books, 2010.– 272 p.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2021 г.